

Юань Фэйхан вроде бы понимал, но в то же время казалось, что он не понимал ничего.

— Позволь мне объяснить так, как я это вижу. Ты предполагаешь, что здесь существует два набора миров: один выглядит гармоничным и нормальным, я назову его "поверхностным миром"; а другой по своей природе опасен, я назову его "внутренним миром".

— Поверхностный мир — это день, а внутренний мир — ночь. Эти два мира подчиняются разным правилам, которые мы пока не смогли разгадать. Мы можем лишь предположить, что "три запрета" больницы связаны с правилами поверхностного и внутреннего миров.

— В ночь на 2 апреля время текло нормально, но в ночь на 3 апреля, если нас не лишили шести часов, то внутренний мир завершился преждевременно, насильно перенесся нас из 1:23 ночи в 7:30 утра, в начало поверхностного мира.

— Исходя из этого предположения, почему внутренний мир завершился раньше времени? Было ли это вызвано особым событием, произошедшим прошлой ночью, или это было сделано намеренно? Если это было намеренно, то у кого есть сила влиять на правила мира?

— Это то, что нам предстоит выяснить, — сказал Ши Чанфэн, щелкнув пальцами. Бумага, на которой он записал их действия с момента их перемещения, вспыхнула. Пламя быстро поглотило написанное, не оставив и следа.

— Где же ключ к разгадке? — Юань Фэйхан провел рукой по подбородку.

Когда он был в растерянности, Ши Чанфэн достал из шкафа бумажную медицинскую карту Цзянь Хуая.

Медицинские записи психиатрических пациентов являются конфиденциальными. Электронная версия защищена паролем, и Ши Чанфэн пока не мог её открыть. К счастью, бумажная версия всё ещё хранилась. Взломать замок шкафа было делом пустяковым.

Цзянь Хуай был госпитализирован более года назад. Перед его поступлением Цзянь Бохань провёл с ним множество обследований. Когда ему было около 16 лет, врачи первоначально диагностировали у Цзянь Хуая шизофрению и рекомендовали Цзянь Боханю как можно скорее поместить сына в больницу для лечения.

Цзянь Бохань никогда не соглашался, пока не произошёл один случай.

Ши Чанфэн достал из медицинской карты копию судебного решения —

Полтора года назад у Цзянь Хуая случился приступ, и он жестоко убил мужчину средних лет по фамилии Линь, который приходил к ним домой. Согласно показаниям Цзянь Хуая, после этого он увидел, как "дядя Линь" превратился в монстра, который мог продолжать атаковать его даже после того, как ему размозжили голову. Чтобы защитить себя, Цзянь Хуай расчленил Линя, пока тот не перестал быть для него угрозой.

В ходе судебного разбирательства Цзянь Хуай действительно был признан страдающим шизофренией и невменяемым. Однако его преступление имело тяжёлые последствия для общества. Его семья и опекун, Цзянь Бохань, был обязан строго контролировать его и обеспечить лечение. Сейчас он проходит принудительную терапию в третьей психиатрической больнице города Линьюань.

Что привлекло внимание Ши Чанфэна, так это то, что инцидент произошёл между 21:30 и 22:00 той ночью. Дома были только Цзянь Хуай и "дядя Линь". Цзянь Бохань был в командировке. "Дядя Линь" был коллегой Цзянь Боханя, и тот попросил его зайти к ним домой, чтобы забрать документы.

Ночь, монстр, которого Цзянь Хуай не мог убить в своём рассказе, просьба Цзянь Боханя...

Был ли этот "дядя Линь" невинной жертвой или монстром из внутреннего мира?

Если он был монстром из внутреннего мира, то Цзянь Хуай, ещё в 16 лет, смог уничтожить его собственной силой.

Зомби в больнице ночью возрождались на следующий день, но "дядя Линь", убитый Цзянь Хуаем, — нет. Он действительно уничтожил монстра.

Ши Чанфэн вспомнил, что когда он попытался приблизиться к Цзянь Хуаю в палате, Цзянь Бохань намеренно сказал:

— Незнакомцы вызывают у тебя нервозность, не так ли? Сяо Хуай, ты помнишь, что сделал, когда в последний раз увидел дядю Линя?

Какую роль играл Цзянь Бохань в этом деле?

Знал ли он о существовании внутреннего мира?

Бесконечные вопросы оставили Ши Чанфэна с ощущением, будто он заблудился в тумане, не видя пути вперёд.

Днём Цзянь Хуай, находящийся под принудительным лечением, не мог действовать свободно. Ван Сяошуай был обычным человеком, совершенно бесполезным. Только Ши Чанфэн мог провести расследование.

Внутренний мир вновь наступит ночью. Ему нужно было найти как можно больше зацепок за ограниченное время.

Когда Ши Чанфэн показал Цзянь Хуаю царапину на локте, он тонко передал ему послание — оставь это мне, я разберусь.

В тот момент в глазах Цзянь Хуая мелькнул невиданный ранее оттенок, означавший его доверие к Ши Чанфэну.

«Доверие?»

Кончики пальцев Ши Чанфэна легли на фотографию Цзянь Хуая в медицинской карте. Она была сделана, когда тому было 16, чуть моложе, чем сейчас, его лицо выражало детскую наивность и недоверие к миру.

Насколько сложно такому человеку, как Цзянь Хуай, доверять другим.

Ши Чанфэн убрал медицинскую карту и сказал Юань Фэйхану:

— Ты продолжай притворяться случайным прохожим в тени. Не раскрывай наши отношения. Я поищу зацепки внутри больницы.

— Понял, — ответил Юань Фэйхан.

Пациенты и Фэн Юнсинь, побеждённые Цзянь Хуаем прошлой ночью, вернулись к нормальному состоянию в поверхностном мире. Они не умерли, как "дядя Линь". Похоже, для убийства монстров из внутреннего мира требуются другие ключевые факторы.

Ши Чанфэн отправился в поликлинический корпус и увидел, что имя директора на стойке регистратуры снова сменилось на директора по фамилии Хуан. Он был в этом мире всего две ночи. Первая ночь была хаотичной, и он не обратил внимания, менялся ли директор. Цзянь Хуай лежал в больнице больше года, его воспоминания были отрывочными, и он тоже этого не знал.

Если предположить, что Цзянь Бохань всегда был директором во внутреннем мире, то что он сделал, чтобы вызвать такие изменения между поверхностным и внутренним мирами?

Сегодня было 4 апреля, суббота. В больнице было мало людей. Приём Цзянь Бохань вёл по средам и пятницам. По логике, сегодня его здесь быть не должно.

Ши Чанфэн решил начать с того места, где он провалился. Он направился напрямик в кабинет директора на верхнем этаже поликлинического корпуса. Поскольку на нём был белый халат, а на груди — бейдж главного врача, и его лицо было относительно незнакомым, мало кто его приветствовал.

Он добрался до кабинета директора Хуана без препятствий. Дверь была заперта, директора не было. Ши Чанфэн посмотрел на камеры наблюдения в коридоре, надел заранее приготовленные медицинские перчатки и прикрыл левый глаз рукой.

Из левого глаза Ши Чанфэна появилась струйка чёрной энергии, блокируя камеру наблюдения.

Ши Чанфэн выбил дверь, использовал чёрную энергию, чтобы заблокировать камеры в кабинете директора Хуана, и начал обыск. Ни сейф, ни замки шкафов не могли остановить Ши Чанфэна. В сейфе он нашёл юридический документ о смене руководства. В нём говорилось, что директор Хуан уйдёт на пенсию в феврале 2021 года, а его преемником станет Цзянь Бохань. Цзянь Бохань вступит в должность директора третьей больницы города Линьюань 1 февраля 2021 года.

Электронный календарь директора Хуана показывал дату — 4 апреля 2020 года, за десять месяцев до того, как Цзянь Бохань должен был стать директором.

Но ночью Цзянь Бохань уже был директором.

Ши Чанфэн сфотографировал документ телефоном, вернул сейф на место и покинул кабинет директора, заперев за собой дверь.

Когда он вышел в коридор 28-го этажа поликлинического корпуса, он убрал руку от левого глаза. Две струйки чёрной энергии, блокировавшие камеру, вернулись в левый глаз Ши Чанфэна. Его левый глаз был на оттенок темнее правого. Правый глаз был обычного карего цвета, как у большинства азиатов, но левый был абсолютно чёрным. Однако разницу было трудно заметить, если только не всматриваться в его глаза.

После осмотра кабинета директора Хуана Ши Чанфэн решил проверить кабинет Цзянь Боханя в корпусе стационара.

Прошлой ночью они даже не дошли до двери, как внутренний мир закончился, насильно перенеся их обратно на четвёртый этаж стационара. Если внутренний мир завершился преждевременно, значит, в кабинете было что-то, что они не должны были увидеть.

Ши Чанфэн поднялся на 28-й этаж корпуса стационара. Это был этаж для конференций, палат здесь не было. В субботу здесь никого не должно было быть, но как только Ши Чанфэн ступил на 28-й этаж, он услышал чей-то разговор. Этаж был тихим, поэтому, даже если голос звучал негромко, Ши Чанфэн мог разобрать его обрывки.

Раз здесь кто-то был, блокировать камеры не имело смысла. Ши Чанфэн увидел, что дверь в кабинет Цзянь Боханя была приоткрыта. Он медленно направился к ней.

Его шаги были лёгкими, и в пустом коридоре не было слышно ни звука.

Чем ближе он подходил к кабинету, тем отчётливее становились голоса. Ши Чанфэн слегка наклонил голову, прислушиваясь правым ухом, и услышал, как Цзянь Бохань говорит кому-то:

—...Так вот в чём дело? Тогда ты действительно под большим давлением.

— У-у-у... — из комнаты донёлся тихий плач, голос показался знакомым.

Ши Чанфэн внимательно прислушался и слегка вздрогнул. Это был голос Ван Сяошуая!

Вернёмся назад, к моменту, когда Ши Чанфэн покинул палату Цзянь Хуая. После того как Цзянь Хуай передал раскладушку Ван Сяошуаю, тот посмотрел на неё, вытер лицо рукавом и покачал головой.

— Лучше я не буду отдыхать в твоей палате. Скоро придёт работник с лекарствами, и я не смогу это объяснить.

— Ты можешь спрятаться в шкафу, — сказал Цзянь Хуай.

Ван Сяошуай отказался:

— Это слишком неудобно. Вчера я чуть не потерял сознание в шкафу.

Цзянь Хуай не был человеком, умеющим утешать. Он не был уверен, не сорвётся ли он внезапно и не причинит ли вред Ван Сяошуаю, поэтому позволил этому парню, с которым познакомился всего два дня назад, уйти.

Ван Сяошуай не знал, где отдохнуть. Он не мог покинуть больницу, не мог дозвониться до мамы. Вспомнив о монстре, который спал в комнате отдыха, он не осмеливался вернуться туда.

Ему хотелось плакать, но он не мог. Он вынужден был улыбаться, когда увидел Фэн Юнсиня, который уходил с работы и поприветствовал его.

Давление сжимало его грудь. Ван Сяошуай не был спокойным, сильным и загадочным Ши Чанфэном, он не был безумным и ужасающим Цзянь Хуаем. Будучи обычным человеком, он боролся.

Он бродил без цели, думая пойти в кладовку или пустой конференц-зал, чтобы поспать. Пока он шёл по коридору, он столкнулся с Цзянь Боханем.

В тот момент, когда он увидел Цзянь Боханя, Ван Сяошуай замер. Он опустил голову и попытался проскользнуть мимо.

Он говорил себе, что всё в порядке. Вчера он прятался в шкафу, и Цзянь Бохань наверняка его не видел. Он не заметит его!

Но как только он подумал, что избежал опасности, за его спиной раздался голос Цзянь Боханя.

— Здравствуйте, если я не ошибаюсь, вы новый сотрудник, верно?

Ван Сяошуай вздрогнул, выпрямился, волосы на затылке встали дыбом, дыхание стало прерывистым.

Цзянь Бохань обошёл его и встал напротив. Ван Сяошуай всё ещё был в форме медбрата. Цзянь Бохань поправил бейдж на его груди:

— Ван Сяошуай, очень милое имя.

Ван Сяошуай не мог вымолвить ни слова. Он был слишком напуган. Ладони покрылись холодным потом, взгляд застыл, сердце бешено колотилось, дыхание участилось.

— Ты боишься меня, или у тебя гипервентиляция? — Цзянь Бохань, как знающий академик, с мягким выражением лица, наклонился к нему и терпеливо спросил.

Чем ближе он был, тем чаще дышал Ван Сяошуай. Постепенно у него онемели руки и ноги, начались судороги.

— Ты выглядишь нехорошо. Тебе нужно лечение, — сказал Цзянь Бохань.

Ван Сяошуай не мог говорить. Он беспомощно наблюдал, как Цзянь Бохань подхватил его и отнёс в кабинет, в который они не смогли попасть прошлой ночью.

В кабинете Цзянь Бохань нашёл бумажный пакет и приложил его ко рту и носу Ван Сяошуая. Гипервентиляция вызвана учащённым дыханием, приводящим к снижению концентрации углекислого газа и респираторному алкалозу. Стандартный метод первой помощи — использование бумажного пакета или длинного трубчатого мешка для уменьшения выдоха углекислого газа.

Симптомы Ван Сяошуая немного улучшились. Цзянь Бохань посмотрел на его ладонь.

— Гипервентиляция, вызванная острой тревогой. Ты в последнее время под большим стрессом? Кажется, тебе нужен седативный препарат.

Цзянь Бохань достал из кабинета успокоительное и сказал:

— Есть разрешение. Как специалист, я имею право на экстренную помощь.

Затем он медленно ввёл Ван Сяошуая седативное. Тот успокоился, эмоции притупились. Хотя он всё ещё осознавал, что Цзянь Бохань опасен, стабильное состояние не позволяло ему испытывать тревогу.

— Теперь ты выглядишь лучше, — Цзянь Бохань убрал одноразовый шприц и предложил Ван Сяошуая сесть на гостевое кресло в кабинете.

Взгляд Ван Сяошуая медленно следил за его движениями.

Цзянь Бохань придвинул стул и сел напротив, как внимательный учитель, вытирая салфеткой холодный пот с ладоней Ван Сяошуая.

— Почему ты так меня боишься? Я выгляжу сурово?

Он доброжелательно улыбнулся. Морщинки в уголках глаз выражали доброту.

— Я очень забочусь о медицинском персонале, который ухаживает за Цзянь Хуаем. Ты новый помощник, начавший работать 2 апреля. В тот день ты приносил Цзянь Хуаю лекарства, обед,

ужин и больничную одежду. За день 2 апреля ты заходил в его палату четыре раза, — сказал Цзянь Бохань.

Так он знал всё. Всё было под его контролем.

— Ты боишься меня, потому что контактировал с Цзянь Хуаем? — Цзянь Бохань указал на своё лицо. — Мы похожи, не так ли? Он умный ребёнок, моя гордость.

Он вёл себя как отец, глубоко любящий своего сына, невольно хвастаясь им перед посторонним.

— Ты... ты... плохо... относишься к Цзянь Хуаю, — медленно проговорил Ван Сяошуай.

Его разум был ясен, но лекарство замедлило скорость мышления.

— Что во мне плохого? — спросил Цзянь Бохань. — Ты услышал это, когда прятался в шкафу в тот день?

Рука Ван Сяошуая дёрнулась. Из-за лекарства он даже не занервничал, услышав это.

Цзянь Бохань сказал:

— Ты думаешь, я разговаривал с кем-то другим? Я разговаривал с тобой! Как специалист в психиатрии, разве я не знал, что эти слова могут легко спровоцировать Цзянь Хуая? Но я знал, что ты прячешься в шкафу. Я боялся, что Цзянь Хуай внезапно причинит тебе вред. Чтобы защитить тебя и не дать моему сыну снова совершить ошибку, я специально предупредил тебя!

— Ты... что... имеешь... в виду? — спросил Ван Сяошуай.

— Я не хотел рассказывать об этом посторонним, но ты и Цзянь Хуай слишком сблизились, это слишком опасно, — Цзянь Бохань достал из ящика судебное решение по делу Цзянь Хуая и протянул Ван Сяошуаю.

Когда тот прочитал содержимое, Цзянь Бохань печально сказал:

— Старина Линь был моим коллегой. Цзянь Хуай хорошо с ним ладил. Он был одним из немногих посторонних, кого Цзянь Хуай не избегал. Вот почему я был так уверен той ночью и попросил старину Линя зайти ко мне домой за документами. Но потом...

Цзянь Бохань заплакал, — слёзы отца. Ван Сяошуай тупо смотрел на него.

Цзянь Бохань продолжил:

— Состояние Цзянь Хуая было стабильным благодаря лекарствам весь прошлый год. Он внезапно проявил к тебе дружелюбие. Я очень боюсь, что кошмар повторится. Помощник Ван, можно я буду звать тебя Сяошуай?

Не дожидаясь ответа, он ласково сказал:

— Сяошуай, помоги мне, отчаявшемуся отцу. Спаси Цзянь Хуая.

Его сухая, сильная рука сжала руку Ван Сяошуая. На мгновение тот перестал понимать, где правда, а где ложь.

<http://bllate.org/book/13781/1216450>